

Размышления над новой книгой

© 2003 г.

А.В. ГЛУХОВА

ЕЩЕ РАЗ ПРО КОНФЛИКТ

ГЛУХОВА Александра Викторовна - доктор политических наук, профессор, зав. кафедр

Прилавки российских книжных магазинов стремительно пополняются разнообразной конфликтологической литературой, что нельзя не признать весьма отрадным явлением. В стране, где еще полтора-два десятилетия назад господствовал миф о бесконфликтности общественных отношений и которая заплатила за эту иллюзию достаточно высокую цену, ныне активно осваивается конфликтологическая исследовательская парадигма. Сложилась своеобразная география конфликтологических штудий: в Ставрополе появляются интересные исследования этнополитических конфликтов; в Санкт-Петербурге - межличностных (психологических) конфликтов, в Ростове-на-Дону издаются учебные пособия по общей конфликтологии, в Воронеже - по политическим конфликтам [1]. Одним из самых содержательных изданий последних лет стала, на мой взгляд, коллективная монография "Конфликты в современной России: опыт анализа и регулирования", удачно сочетающая в себе теоретико-методологические и прикладные аспекты, обобщение мировой практики и небогатого пока российского опыта мирного урегулирования конфликтов [2]. Помимо прочего, интерес к исследованию конфликтов является свидетельством того, что градус демократичности российского общества еще не пересек некую роковую черту. Отношение к конфликтологии как к науке может служить своеобразным барометром самочувствия общества и тестом на демократичность правящей элиты.

Однако во всем этом многоголосом хоре солирующую партию исполняет автор, по праву считающийся первопроходцем отечественной конфликтологии. Учебники, монографии, новаторские статьи по самым актуальным проблемам общественного развития - таков авторский почерк и творческое кредо А.В. Дмитриева. Именно этим объясняется то обстоятельство, что каждая новая книга члена-корреспондента Российской академии наук не оставляет без внимания ни одно новое явление или процесс, возникающие в социальной и политической жизни современной России, и не только ее. Его книги читаются с интересом, причем вне зависимости от того, идет ли речь об учебном пособии или о научной монографии. Его книга "Социальный конфликт: общее и особенное" не является исключением из этого правила [3]. В ее основу положено издание "Конфликтология. Учебное пособие" (М., 2000), однако новая книга выглядит достаточно "свежей" в силу целого ряда причин. Во-первых, в ней появились новые разделы, например, глава 1 "Общество и его противоречия", глава 10 "Внутренний, межличностный и групповой конфликты", глава 11 "Информационные конфликты" и т.д.

Во-вторых, автор анализирует новейшие факты и актуальные события международной жизни (например, террористический акт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года), материалы судебной практики, правовые акты (например, Гражданский кодекс, постановления Конституционного Суда и т.д.), данные социологических исследований и др. Теоретический анализ удачно дополняется красноречивыми примерами, осмысление которых обогащает и уточняет теорию. Нельзя не отметить, что А.В. Дмитриев постоянно держит руку на пульсе социально-экономической, политической и культурной жизни страны и мира в целом.

В-третьих некоторые конфликты (особенно межличностные, которые в современном российском обществе имеют устойчивую тенденцию к нарастанию) удачно проиллюстрированы многими произведениями литературной классики. Так, в анализе динамики межличностного

конфликта использована знаменитая "Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" Н.В. Гоголя. Казалось бы, автору достаточно было ограничиться простой отсылкой читателя к этому прославленному произведению, а не прибегать к помощи обстоятельными цитат. Однако нынешняя литературная подготовка российских школьников, ставших нашими студентами, настолько далека от желаемой, что обстоятельный анализ динамики заурядного бытового конфликта, обернувшегося бессмысленной многолетней борьбой двух пожилых одиноких людей, выглядит свежо и профессионально, равно как и поучительно для каждого, кто подвергается соблазну столь же бессмысленной и беспощадной мести.

Наконец, в-четвертых. А.В. Дмитриев достаточно осведомлен о том, что происходит в рядах самого конфликтологического сообщества, особенно в рамках региональных исследований. Нет ни одного заметного научного достижения последних лет, которое не попало бы в сферу его внимания и не получило бы соответствующей оценки на страницах его книги. Все это свидетельствует о том, что это не просто очередная версия осмысления социального конфликта в сравнительном контексте общего и особенного (хотя компаративный анализ в исследовании конфликта - это тоже новация), но и своего рода обстоятельная энциклопедия российской конфликтологии на современном этапе ее развития. Помимо прочего, хочется отметить и тот факт, что автор не оставил без должного внимания ни одну заметную работу своих коллег по конфликтологическому "цеху".

Уже во введении он избавляет читателя от раздумий по поводу своего замысла. На с. 9 он представляет структуру своей книги, логика которой не вызывает возражений: понятие - типология - причинность - динамика - способы регулирования - история и методология конфликта. Здесь же сформулирована и главная задача конфликтологов: "мы должны попытаться определить то, что конфликтно, и подвести его к примирению, неважно, будь оно временное или достаточно постоянное" [3, с. 9]. Думается, что такая постановка проблемы вполне удовлетворительна и реальна (посильна) для исследователей конфликтов, во всяком случае в сравнении со сверхзадачей их повсеместного и немедленного разрешения, чем отечественное конфликтологическое сообщество "болело" в первой половине 90-х годов XX века.

Одной из центральных проблем, проходящей красной нитью через всю книгу, является вопрос о функциональности/дисфункциональности социальных конфликтов. Острота этого вопроса в России понятна и объяснима: большинство из конфликтов оборачиваются разрушительными (дисфункциональными) последствиями для тех социальных систем (семьи, организации, государства и т.д.), в которых они возникают. Поскольку это явление имеет общий, универсальный характер и касается не только макро-, но и микроуровня, постольку существует некая общая причина такой дисфункциональности. Выявление ее имеет не только важное практическое, но и теоретическое, и даже методологическое значение. Дело в том, что вся конфликтологическая парадигма, включая ее структурную и функциональную ветвь, исходила из полезности и желательности социальных конфликтов в обществе в силу тех позитивных функций, выполнить которые в социальной системе может только конфликт. Отрицание этой методологической установки применительно к России означало бы, что российская конфликтология упразднила сама себя за ненадобностью. Признавать в конфликте только разрушительное начало - значит стремиться к тому, чтобы избегать его любой ценой. Между тем стратегия избегания - далеко не единственная и не лучшая среди стратегий конфликтного поведения, к тому же не гарантирующая длительную и прочную стабилизацию той системы, где конфликт возник. А.В. Дмитриев обозначил переменную величину, которая влияет на характер протекания и функциональную роль конфликтов. Речь идет о границах системы, которые являются либо слишком жесткими, либо слишком размытыми для того, чтобы дать возможность конфликту выполнить свою позитивную роль. Применительно к семейному конфликту справедлив следующий вывод: "Если внешние границы слишком жесткие, то это означает, что происходит мало обменов между семьей и окружением, наступает застой. Если границы слишком размыты, то это означает, что у членов семьи много связей с внешней средой и мало между собой" [3, с. 269]. Думается, что вывод о жесткости системы, прямо влияющей на функциональное предназначение конфликтов, может быть распространен не только на семейную, но и на любую другую социальную систему. Кстати, именно так его формулирует известный представитель позитивного ("конфликтного") функционализма Л. Козер: "Конфликт бывает дисфункционален для тех социальных структур, которые недостаточно или вовсе нетерпимы по отношению к конфликту, и в которых сам конфликт не институционализирован". Равновесию (т.е. стабильности) подобных структур, по мнению американского социолога, угрожает не конфликт как таковой, а сама эта жесткость, способствующая аккумуляции враждебных чувств и направляющая их вдоль одной оси, когда конфликт все-таки вырывается наружу. Думается, что эти выводы весьма своевремен-

менны для сложившейся в современной России общественно-политической ситуации, когда на конфликт вновь посматривают косо и под маркой поддержания общественной стабильности пытаются лишить его естественного и законного места в системе общественных трансформаций. Между тем игнорирование конфликтного потенциала, постепенно зреющего в обществе, и попытки не замечать многочисленные конфликты, удерживать их в латентной стадии и даже подавлять их, могут дать прямо противоположный результат, естественный, в силу сложившихся структурных диспропорций и их неизбежного следствия, - структурного насилия, но крайне нежелательный с точки зрения возможных насильственных форм и, соответственно, тяжелых последствий для общества.

Проблема функциональности/дисфункциональности конфликтов так или иначе проходит через все разделы книги. Так, в главе 10, посвященной внутриличностным, межличностным и групповым конфликтам, хотелось бы отметить параграф 5 "Конфликтогены и синтоны". Автор привлекает новейшие разработки отечественных исследователей, иллюстрирует свои выводы убедительными аргументами из практики разных стран и народов, показывает деструктивную роль в современных условиях такого конфликтогенного фактора, как месть. Одновременно нарастание тех или иных проявлений мести на разных уровнях человеческих взаимоотношений следует рассматривать как следствие ослабления регулирующей функции государства. Любопытна его трактовка противоположного феномена, а именно, такого синтона, как толерантность. А.В. Дмитриев подчеркивает серьезность этой проблемы для российского общества, обращая внимание на то, что правительство России выделило довольно крупную сумму на исследование по теме "Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе". Вместе с тем, само содержание понятия "толерантность" чрезвычайно спорно и неоднозначно, как и стоящая за ним общественная практика. Думается, сюжет о состоянии и функциональном значении толерантности в современном российском обществе стоило бы развить более обстоятельно, с учетом такой ее разновидности, как политкорректность, роли последней в российской политической практике, ее позитивных и негативных аспектов.

Большой интерес представляет глава 11 "Информационные конфликты". Здесь удачно преподнесен материал о формальной и неформальной политической коммуникации, об информационных конфликтах в Интернете, хотя оценка средств массовой информации как регуляторов этнических конфликтов вызывает определенные возражения. Вместе с тем нельзя не согласиться с прогнозной оценкой возможностей использования Интернета; "В предстоящей политической борьбе, связанной с будущими парламентскими и президентскими выборами, по-видимому, сложится качественно новая ситуация, число пользователей Интернета возрастет в несколько раз. В результате сеть станет таким же средством воздействия, как и традиционные СМИ. И хотя большая часть российского населения не будет иметь доступа к современным технологиям, на наш взгляд, Интернет станет одним из инструментов политических конфликтов, умелое пользование которым позволит увеличить вероятность победы на выборах" [3, с. 312]. Главу удачно дополняет параграф 7, посвященный межгосударственному уровню взаимодействия, и в частности, основным организационным направлениям развития технологии обеспечения информационной безопасности. Автор выделяет основные противоречия между властью и СМИ, которые (применительно к России), на мой взгляд, могли бы выглядеть солиднее, тем более, что явно переросли из противоречий в открытые конфликты (пример с НТВ, ТВС и т.д.).

Одной из самых сложных и болезненных проблем современного конфликтологического дискурса является проблема релевантности западных концептуальных подходов к анализу российских реалий. Эта проблема остро ощущается не только в конфликтологии, но и в политологии, социологии, философии. В попытках ее решения легко соскользнуть к одной из двух крайних точек зрения, сводящихся к тому, что западные теории либо универсальны (в том числе и для нас), либо абсолютно бесполезны на российской почве. Первая точка зрения преобладала в начале 90-х годов прошлого столетия, когда, подобно Остапу Бендеру, отечественное обществоведение было убеждено в том, что "Запад нам поможет" (теоретическими конструкциями и гипотезами). В настоящий момент более распространена вторая точка зрения, достаточно категоричная в отношении достижений западной общественно-политической мысли и ее применимости к России. На мой взгляд, в этом кроется довольно серьезная опасность; в праведном гневе по поводу бесконечных заимствований можно "выплеснуть из ванночки вместе с водой и ребенка" и вновь начать изобретать свой собственный велосипед. Разумеется, это проще и "патриотичнее", нежели давать адекватную интерпретацию и полноценный прогноз происходящим в российском обществе процессам, исходя из апробированной западной методологии и мировой практики.

К счастью, автор избежал данных крайностей. Он считает, что интеллектуальные достижения Запада в отечественном контексте не могут быть только подсказками, но призваны стимулировать новые исследования. Более того, российская конфликтология в определенной степени аккумулировала достижения Запада, создав концепцию противоречий переходного периода. "Однако не определены какие-либо механизмы влияния новой науки на практику преобразования", - считает А.В. Дмитриев [3, с. 8]. Думается, что если такие механизмы и будут определены, их будет явно недостаточно для изменения ситуации к лучшему. Механизмы нужно еще и внедрить в ткань социальных и политических отношений, в политическую культуру элиты, в общественное сознание и т.д. Но захочет ли этого сама элита? Понятно, что такой процесс не будет быстрым, простым и легким и, вероятнее всего, займет несколько десятилетий. Вопрос в другом; есть ли на это у России историческое время? Не случится ли так, что новому поколению политиков и экспертов-конфликтологов просто негде и незачем будет применять свои познания в области теории конфликтов?

Как бы предполагая подобные вопросы, автор позволяет себе, как он выразился, большую смелость; высказаться "о предположительных сценариях далеко не спокойного будущего" [3, с. 484]. Не все его оценки убеждают, хотя общую пессимистическую тональность прогноза трудно опровергнуть. Но чему всего охотнее веришь, так это обещанию, что "головная боль" специалистов-конфликтологов станет еще более ощутимой, по крайней мере, в ближайшие 10-15 лет [3, с. 486]. Как говорится, верю раз и во веки веков... Впрочем, может ли человечество рассчитывать на столь продолжительное существование?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества. Сборник научных статей. Москва-Ставрополь; Изд-во СГУ, 2002; Конфликтология. Серия "Учебники и учебные пособия". Ростов-на-Дону, 2000; *Гришина Н.В.* Психология конфликта. СПб.; Питер, 2003; Политическая конфликтология перед новыми вызовами (Под ред. А.В. Глуховой). Воронеж: Изд-во Воронежского госун-та, 2001; Демократия: конфликтность и толерантность (Под ред. В.С. Рахманина). Воронеж: Изд-во Воронежского госун-та, 2002; *Глухова А.В., Рахманин В.С.* Политическая конфликтология. Учебное пособие. Воронеж: Изд-во Воронежского госун-та, 2002.
2. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) (Под ред. Е.И. Степанова). М.: Эдиториал УРСС, 1999.
3. *Дмитриев А.М.* Социальный конфликт: общее и особенное. МЛ: Гардарики, 2002.